

Освобождение

Юлия Марчина

18+

Юлия Марчина
ОСВОБОЖДЕНИЕ
Серия «Дети Эрзина», книга 3

<https://litres.ru/74184517>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двое встречаются в деревенской глуши. Он - циник и грубиян. Она - недотрога и привыкла полагаться только на себя. Вокруг - мистика, дары и проклятия, но главное испытание - не магия, а страх, который каждый носит в себе. Если они не откажутся от своей силы, то сойдут с ума, увлекая за собой всех, кого любят. Чтобы спастись, им придётся отказаться от самого ценного, рискуя навсегда потерять себя.

Сумеют ли они простить себя и выбрать любовь?

Современная притча о вине, исцелении и внутренней свободе.

«Освобождение» - история о том, как страх мешает любить, а любовь побеждает страх. Для тех, кто любит мистику в русской глубинке, живых героев и истории, от которых невозможно оторваться.

Книга - самостоятельное произведение, но также является третьей частью цикла «Дети Эрзина».

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	43
Глава 5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Юлия Марчина

ОСВОБОЖДЕНИЕ

ПРОЛОГ

Странник стоял в Зеркале Вселенной. Время здесь было не рекой, а океаном, судьбы – не просто нитями, а семицветной космической паутиной, сотканной из света и тьмы. Семь основных струн пульсировали перед ним, переплетённые в один тяжкий, болезненный узел – семь «детей Эрзина». Безликий взор, лишённый зрачков и век, скользнул по каждой из них. Они вздрагивали, отвечая всплесками боли, страха, подавленной ярости.

– Время пришло, – его голос был звоном лопнувшей струны, звучащим не в ушах, а в самой сути бытия. – Вы просили силы. Вы просили чуда. Вы просили любви. И вы получили их, но не справились с ценой.

Он видел, как струна Проводника была перетянута, готовая порваться под грузом прошлого. Струна Целителя огрубела и заостенела, превратившись в щит. Струна Провидицы вибрировала от невысказанного гнева, а струна Творца была перекручена в тугой, болезненный жгут алчности. Струна того, кого он когда-то называл Умиротворителем, истончилась до паутины и порвалась. Струна Прони-

цателя натянулась, загудела, как тетива перед выстрелом, и лопнула. Струна той, что звалась Чаровницей, не выдержав напряжения, треснула с сухим щелчком, и её концы беспомощно повисли в пустоте.

— Ваши дары стали вашими оковами. Ваша карма отяготила ваших детей. Накопленный долг требует расплаты. Я призываю Суд.

Странник не был жесток, но был безжалостен, как закон тяготения.

— Не для наказания — для освобождения. Последнее испытание ждёт вас. Пройдёте — и оковы падут. Нет — и тени прошлого поглотят ваше будущее и будущее ваших детей.

Он сомкнул руки, будто сжимая невидимый узел.

— Начинается...

Вся космическая паутина задрожала, затрепетала, искажаясь, как вода в озере, куда бросили камень. Разжав пальцы, Странник безмолвно наблюдал: приговор был вынесен. Оставалось дожидаться, как его исполнят сами осуждённые.

Глава 1

Влад заглушил двигатель старого пикапа с ржавыми порогами. В кузове, укрытый тентом, ждал мотоцикл.

Пейзаж удручал. В Ромашино стояла глухая мартовская муть: толком ни зимы, ни весны – одна сырость и грязь. Снег, уже не белый, лежал потемневшей, ноздреватой кашей. Серое небо висело низко. Откуда-то тянуло навозом. Облезлый деревянный забор торчал, как зубы во рту старика – местами, а ворота висели на одной петле. Окна покосившейся избы смотрели мутными стёклами, а шиферная крыша просела, как спина старой лошади. Рядом притулился не то сарай, не то гараж. Казалось, здесь давно никто не жил, а только доживал свой век.

Влад подошёл и тронул стену – бревно подгнило.

«Ну и нора. Здесь только бухать».

Не успел он ступить на крыльцо, как из-за угла соседнего дома вылетела молодая баба в свитере на вырост, с тёмными волосами, выбившимися из хвоста. Лицо обычное, с широкими скулами и карими глазами – злыми и испуганными одновременно. Рот большой.

– Ты кто? – кинулась она к нему.

– Конь в пальто.

Она посмотрела так, будто он украл что-то у неё, потом схватила за рукав:

– Конь? Пошли! Быстро!

– Чё? – Влад дёрнул плечом.

– Коза рождает. Погибнет!

Он вырвал рукав. Хотел сказать: «Да похрен мне», но... не смог.

– Ветеринару звонила, вроде едет, – тараторила клуша, – но когда ещё... – сказала уже тихо, себе под нос: – Господи, хоть бы кто...

И в эту секунду Влад вдруг понял, что хочет помочь. Это было так неожиданно и странно, что он даже не успел испугаться внезапной тяги к акушерству. Выругавшись, кинул рюкзак на крыльцо и ринулся за бабой.

В сарае воняло навозом, было душно, нечем дышать. Влад стянул куртку, огляделся, куда бы её... и, не найдя лучшего, кинул на чистое вроде сено, оставшись в футболке.

Белая коза лежала на боку, металась, то вставая, то снова падая. Жалобно блеяла, нагнетая тоску. Баба дрожала, гладила её, что-то шептала, но, кажется, не помогало.

Влад застыл в двух шагах. Ещё минуту назад готовый орать, командовать, действовать, сейчас размышлял: «А что ты, собственно, умеешь? Ты кто такой?»

Коза в очередной раз громко заблеяла, баба всхлипнула, и на Влада накатило снова.

– Чё села? – рявкнул он. – Вода есть? Тряпки? Йод какой-нибудь? Ножницы?

– Ножницы есть, – та подскочила и метнулась к выходу,

вернувшись через минуту. – Полотенца чистые, а ещё йод.

– Тащи всё!

Влад опустил на корточки. Не умел он принимать роды. Никогда этим не занимался, вот в чём засада. Оглянувшись на бабу и увидев в её глазах мольбу, тронул козу – шерсть жёсткая, под ней бока ходят ходуном. Заговорил тихо:

– Давай, мать. Поднажми. Не помирать же.

Потом возился в грязи – гладил, кричал на козу, опять уговаривал. Видел, что роды идут, но как-то плохо: что-то торчало, но никак не выходило. Влад осторожно коснулся пальцем. Коза застонала, но не отстранилась. Тогда он зажмурился и, скривившись от омерзения, полез рукой. Нащупал, потянул аккуратно, и всё вышло, а главное – голова.

Когда из козьего нутра выскользнул мокрый комок и упал в солому, Влад понял, что у него самого ноги дрожат. Козлёнок лежал мокрый и, казалось, не дышал.

– Тряпку! – гаркнул.

Баба быстро подала ему чистое полотенце. Обтерев морду козлёнка, он убрал слизь. Тот кашлянул и вроде задышал.

Влад сидел на коленях, держа его в руках – крошечного, скользкого, и вдруг подумал: «А меня мать так же держала?»

Потом сунул детёныша козе, та принялась его вылизывать.

– Пуповину, – напомнила баба.

Влад выругался и, взявшись за склизкий жгут, перерезал. Нечто подобное он делал в роддоме, когда рождались его де-

ти. Руки в крови и слизи тряслись. Пока обрабатывал йодом, баба принесла и поставила рядом с мордой мамыши миску с водой. Влад сидел рядом, наблюдая, как коза, налакавшись, лижет своего дрожащего козлёнка.

– Получилось, – выдохнула баба. – Откуда ты... умеешь?

Не ответил. Не умел он.

Она, тем временем, вытерев ладони о джинсы, насмешливо глянула.

– Зорька тебя за своего, кажется, приняла, – сказала, кивнув на козу.

– Так меня козлом ещё не называли.

– Ну всё когда-то бывает впервые.

Он поднялся, разминая затёкшие ноги. Весь мокрый, в крови и навозе, пошёл к выходу.

– Эй, акушер!

Влад обернулся.

– Баня у меня есть. Натаскаешь воды – можешь затопить. Хоть отмоешься.

– Веником-то работать умеешь?

– Облезешь.

Он хмыкнул и пошёл к себе. У калитки остановился. Хотел спросить имя, но передумал. Какая разница, такие его не интересовали.

Отмывал руки и лицо ледяной водой из колонки. Тёр ладони, пока они не начали гореть. Какого, спрашивается, влез в это дерьмо?

Но в груди ширилось и росло странное удовлетворение. Он только что держал в руках крохотную жизнь, которая без него, возможно, и не появилась бы на свет.

Влад поднял голову к серому небу с низкими облаками.

– Что за... – произнёс тихо. – Что за хрень со мной творится?

Вопреки ожиданиям, в избе оказалось довольно чисто и даже вполне обжито. Электричество работало, выглядело всё вполне прилично – видно было, что за домом следили. В буфете нашлась кое-какая посуда, в спальне на кровати лежала стопка чистого постельного белья. «Не обманул пронира», – подумал Влад. Эту избу ему сосватал какой-то чувак в интернете, назвавшийся хозяином. Домишко сдавался за небольшую цену на лето, но Влад застолбил первым – ранней весной.

Он кинул рюкзак на лавку, прошёл на кухню. В углу стоял старый топчан. Влад вздохнул и огляделся. Увидев ведро у порога, вышел на улицу, набрал воды из колодца, расположенного на границе двух участков.

Вернулся в дом. Замёрзшие руки плохо слушались. Вспомнил, что оставил куртку в сарае, и снова выругался. Спички нашлись быстро – в ящике стола. В коробке у печки обнаружил щепки и поленья. Проверил тягу, швы, заслонку. Печь загудела, пламя ровно потянулось вверх. Влад принялся, подбросил ещё дров и сел на лавку, глядя на огонь. Отхлебнул из металлической фляжки «живой водички» –

вроде согрелся.

Стянув грязную футболку, бросил на пол у двери. Нашёл в рюкзаке чистую, но не успел надеть, как в дверь постучали. На пороге стояла баба. Уставившись на его голый торс, она протянула куртку.

– Ты забыл.

Влад молча забрал.

– Баню топить будешь? – наконец спросила она, подняв глаза.

– Буду.

– Иди тогда воду таскай. Вёдра дам.

– А ты чё такая борзая?

– Ну как хочешь, – она пошла прочь, не оборачиваясь.

– Приду сейчас. Готовься! – крикнул он ей вдогонку и добавил уже тише: – Борзота деревенская.

Влад таскал полные вёдра от колодца к бане и обратно – пустые, по кругу, много раз. Руки оттянуло, спина взмокла под курткой. Давненько он такой физкультурой не занимался. Соседка стояла на крыльце, скрестив руки на груди, и наблюдала, даже и не думая помочь.

Внутри баня оказалась довольно тесной, но ладной. Полок широкий, каменка старая, но целая. В углу одна в другой примостились шайки и ковши. Влад осмотрелся, хмыкнул: «Сойдёт».

Заполнив водой котёл, бак и все ёмкости, затопил. Дымило чутка сначала, потом разгорелось. Он вышел к порогу, сел

на низкую скамейку и закурил.

Со стороны дороги затарахтел мотор. Подкатил рыжий «Жигуль», заляпанный грязью. Из него вылез лысый мужичок в дублёнке и окинул Влада быстрым, недовольным взглядом.

Усмехнувшись, он приготовился к шоу. Сейчас муж как начнёт бабу дёргать, кто да что, но та вышла спокойно, махнула мужичку, и они пошли в сарай. Не ругались, не выясняли отношения.

Ветеринар, понял Влад. Не муж.

Он докурил, затушил бычок в снег и вернулся в баню. Пар клубился, с полка капало. Влад сел на нижнюю ступеньку, прислонился спиной к тёплой стене и прикрыл глаза. Хорошо как, тихо – только камни едва слышно шипят.

Минут через сорок дверь скрипнула. Соседка, заглянув, позвала:

– Эй, ты тут?

– А где мне ещё быть?

Она вошла и присела рядом на скамейку – не вплотную, но и не слишком далеко.

– Ветеринар сказал, ты молодец. Всё хорошо сделал, почти правильно.

– Почти?

– Пуговину длинновато оставил, но не страшно.

Она помолчала, потом будто нехотя произнесла:

– Спасибо.

Влад достал фляжку, отпил и искоса взглянул на неё. В тусклом свете баба показалась почти симпатичной. Во всяком случае, не страшной.

– Как зовут?

Она прищурилась.

– Зоя.

– Можешь приступить, Зоя, – он кивнул на свою ширинку.

– Благодарить как положено.

Та застыла на мгновение, глаза сначала расширились, потом сузились.

– Чего-о?!

– Ты не глухая, – он начал расстегивать.

Она вскочила, схватила первый попавшийся предмет – то ли шайку, то ли ковш – и завопила:

– А ну пошёл вон! Козёл!

Влад прикрылся рукой, но пропустил первый удар по плечу. Второй пришёлся по спине – он уже бежал к двери, застегивая на ходу штаны. Захлопнув за собой, услышал глухой удар изнутри.

– Вон отсюда! – орала она за дверью. – Придурок!

Влад стоял, прижимая дверь спиной, и весь трясся от смеха – впервые за долгое время.

– А веником отхлещешь? – крикнул он.

В ответ изнутри ещё раз грохнуло об дверь.

Хмыкнув, он поправил штаны и неспешно направился к себе. Было весело и легко. Баба оказалась забавной.

Часа через два, изрядно уже накидавшись «живой воды», Влад, прихватив пакет с чистым бельём, побрёл в баню.

Смеркалось.

Дверь оказалась не заперта. Он зашёл, нашарил внутри выключатель. Под потолком моргнуло, и загорелся тусклый, желтоватый свет. Влад разделся, сложив вещи на лавку. Скрутил бандану из футболки и окунулся в жар парной. Плеснул на камни – шипение и облако пара обожгло кожу. Хорошо!

Попарился, посидел на верхнем полке, вытянув ноги. Хмель вышел почти весь, только в голове чуть гудело. Эх, в прорубь бы окунуться! Босиком, как был, в одной бандане, он вышел в предбанник, а затем прямо на улицу. От тела шёл пар, бежали мурашки. Разогнав руками по коже влагу, он расправил плечи и глубоко вдохнул сырой мартовский воздух. Жаль, снег не мягкий – нырнул бы.

– Сейчас собак натравлю, – раздалось откуда-то сбоку. – Откусят лишнее.

Баба стояла у крыльца, обхватив себя руками, и смотрела без тени смущения, не отводя взгляда.

– Нет у тебя собак, – ухмыльнулся Влад. – Не свисти.

Она молчала.

Он нарочито медленно потянулся, хрустнув позвоночником, развернулся и пошёл к бане. У самой двери, оглянувшись, произнёс:

– Ты свой шанс упустила.

И захлопнул дверь.

Плеснул воды на камни – жар ударил в лицо, в грудь. Попарился ещё, потеряв счёт времени. Потом всё же вышел, оделся, пакет с грязным бельём зажал под мышкой. В вечерней синеве соседкино окно светилось жёлтым прямоугольником.

Влад усмехнулся и пошёл к себе. Расстелил свежее, незнакомо пахнущее белье. Сел на край кровати, и панцирная сетка жалобно скрипнула. Лёг, уставившись на ковёр с оленями по всей стене. Думать не хотелось. Он закрыл глаза и провалился в сон. Спал как убитый. Обошлось даже без привычной вязкой мути, снившейся обычно под утро и не выходившей из головы после пробуждения.

Утром разлепил веки – в избе было серо, за окном ещё не рассвело. В голове гудело, во рту сушняк, будто песка насыпали. Влад встал, налил ковш воды, выпил, ещё один, потом ещё полковша. Вылакал почти полведра, утерев рот тыльной стороной ладони.

Полегчало. Только сейчас понял, что мёрзнет. Затопил печь и нагрел воды в кастрюле. Нашёл в рюкзаке бритву, небольшое зеркало в потёртом кожаном чехле, уселся к свету и побрился. В мутноватом стекле отразилось лицо: усталые голубые глаза, на левой щеке заметный шрам – белая нитка на смуглой коже – бабам нравилось. Тёмные волосы отросли, падали на лоб, мешая.

Влад присмотрелся, заметив у висков несколько серебри-

стых, едва заметных нитей. Ещё недавно их не было. Всё-таки скоро тридцать девять, но, кажется, стало даже лучше – солиднее, что ли. Или просто похудел, вот скулы и проступили.

Он бросил бритву обратно в рюкзак, потянувшись, подумал: «Чё б пожрать?»

Накинув куртку, вышел на крыльцо. Утро было уже не таким хмурым, как вчера. Запела какая-то ранняя весенняя птица – не воробей. Влад, прищурившись, посмотрел на небо – вроде прояснялось. Приблизился к соседнему дому и заглянул в окно. За занавеской ничего не было видно.

– Эй! Как там тебя? Зая?

Никто не отозвался. Он обошёл дом, приблизился к крыльцу – на двери висел замок.

Влад хмыкнул и вернулся к пикапу. Нужно было сделать одно дело. Откинув борт, вытащил складной, чуть согнутый, но крепкий трап. Упёр один конец в землю, другой зацепил за край кузова. Забрался внутрь, отвязал стропы, взялся за руль. Трап прогнулся, но выдержал. «Если сорвётся... Одна ошибка – и три с лишним ляма в говно». Но Влад справился: скатил ровно, упёрся ногой, выровнял. Отвёл в гараж – тот дырявый сарай, что вчера осматривал скептически.

Внутри оказалось просторнее, чем ожидалось. Пахло маслом, ржавчиной и старым деревом. У стены приткнулся верстак, заваленный хламом. На полках стояли банки с гайками, валялись отвёртки с обломанными концами, какой-то древ-

ний паяльник, а в углу обнаружился старый промасленный ключ.

Влад провёл пальцем по зазубренному лезвию старого рубанка. Нашёл коробку с советскими свёрлами ещё в заводской смазке, ни разу не использованными. И вдруг на нижней полке, за банкой с олифой, присвистнув, разглядел довоенный патефон с треснувшей пластинкой внутри. Рядом в коробке лежали ещё несколько пластинок. Влад чуть прокрутил ручку – механизм щёлкнул, но и всё.

– Хорошая игрушка, – сказал он, вытирая руки ветошью, висевшей на гвозде, а потом ещё влажными салфетками из кармана. Достал из рюкзака жёлтую микрофибру, сложенную идеальным квадратом, и протёр руль байка, сиденье, пластик. Ни пылинки, ни капли. Только потом закрыл дверь и навесил хлипковатый замок. Достаточно лёгкого усилия, чтобы его снять, но для вида сойдёт. Запер дверь, ключ положил в карман куртки. Надо было идти в магазин – желудок напоминал о себе.

Глава 2

Влад, в который уже раз, посмотрел на пригорок над рекой. Там, за высоким забором, возвышался добротный коттедж – дом Миши. Металлочерепица, большие окна, автоматические ворота. Четыре года назад, в новогоднюю ночь, он катался с этого пригорка на ватрушке, а потом получил в морду от лучшего друга. И было за что.

Сейчас – ни света в окнах, ни движения, ни машины. Зря он приехал, что ли? Может, они просто уехали ненадолго по делам? Вопрос повис в сыром воздухе, мучая его, заставляя сомневаться в правильности решения.

Можно было, конечно, узнать у каких-нибудь деревенских. Они всё знают: кто, где, с кем и кто кого... У этой, например, козы – Зои, мысленно поправился он. У неё и надо спросить. Влад покосился на соседний дом – по-прежнему тишина, занавески задёрнуты, из трубы не дымит.

Он сел в пикап, завёл и проехал мимо коттеджа. С дороги забор казался ещё выше, а дом – безжизненным. Влад сбросил скорость, вглядываясь, как будто мог видеть сквозь стены. Нажал на газ и покатил к станции. Там, он заметил ещё вчера, кипела нехитрая жизнь: магазины, пункты выдачи, почта, а ещё вывеска «Домовёнок», под которой угадывалось кафе.

Внутри пахло жареным тестом и дешёвым кофе. За при-

лавком стояла деваха лет двадцати пяти. Джинсы-скинни обтягивали пышную задницу, короткий свитерок натянулся на груди. Дополняли картину выкрашенные в блонд волосы, глаза с поволокой под ресницами-опахалами и ярко-красные губы.

– Кофе. И два беляша, если свежие.

Девка заулыбалась. Перед ним появилась бумажная тарелка с двумя здоровенными, сочными беляшами, а кофе, разведённый из жестяной банки, налила в высокий бумажный стакан.

– Приезжий? – спросила она, опершись на стойку.

– Угу.

– Из города?

– Ага.

Деваха не отставала, смотрела с прищуром, оценивающе. Оставшись, видимо, довольна результатом, улыбалась пухлыми губами и хихикала над своими же тупыми шутками. Взгляд её скользил по его лицу, плечам и, задержавшись на руках, опустился ниже.

Влад чуть усмехнулся, но на призыв не отвечал. Вокруг таких всегда кто-то крутится, а битая морда в его планы не входила. Не за этим он приехал. Да и чуйка, никогда не подводившая, подсказывала: удовольствия от неё будет минимум, а проблем – куча.

Откусив беляш, прожевал. Вполне сносно. Пригубив кофе, поморщился – дрянь несусветная, но допил и вытер рот

салфеткой.

– Спасибо, красавица.

– Заходи ещё, – пропела она. И уже в спину донеслось: – Как звать-то тебя?

Влад не оглянулся. Вышел, завёл пикап. Смотрел вперёд на сырую дорогу, бегущую под колёса, размышляя, куда теперь податься. Кафе осталось маленькой точкой в зеркале заднего вида, а потом исчезло за поворотом.

Он уже собрался разворачиваться к дому, когда вдруг заметил её – по асфальтовой дороге впереди неспешно шла соседская баба с неестественно прямой спиной. На ней были всё те же широченные джинсы и бесформенный пуховик с капюшоном. Она направлялась к лесу, вернее, к берёзовой роще, что виднелась впереди серо-белой стеной. Голые стволы тянулись вверх, а среди них, в строительных лесах, высились старинные руины храма с затянутыми плёнкой провалами окон. Деревянные перекладины лестниц уходили вверх, к куполу, который только угадывался.

Влад прижался к обочине, заглушил мотор и наблюдал. Баба дошла до рощи, постояла на краю, огляделась. Потом медленно пошла вдоль опушки, трогая стволы рукой, будто здороваясь. Обогнула стройплощадку сбоку и остановилась у кривой берёзы. Прислонившись спиной, скрестила руки на груди и застыла изваянием.

Влад вылез из пикапа, хлопнув дверцей. От строительных лесов доносились голоса. Он подошёл ближе, прищурился: у

ворот стояли люди. Несколько фигур – не разобрать. Кто-то жестикулировал, кто-то просто курил.

Баба не шла к ним, не окликала никого, но стояла и напряжённо глядела, будто ждала чего-то или решала, как поступить. Влад неспешно, засунув руки в карманы джинсов, пошёл в её сторону. Над рощей низко висели облака, отчего воздух казался плотнее. Дорога хрустела под ногами – там, где не растаяло, лежал жёсткий наст.

Он приближался, а она всё не оборачивалась. Только спина напряглась чуть больше, когда слышала шаги. Влад остановился рядом, чуть позади. Из-под капюшона выбивались пряди её тёмных волос. Он вдохнул, уловив дразнящий, пряный аромат: возможно, розовый перец, пачули, ещё угадывался цитрус и жасмин. Что-то знакомое... Откуда, интересно, у этой клуши такой парфюм?

Они стояли и смотрели. У входа в храм смутно знакомый дед с бородкой о чём-то спорил с другими работягами. Те кивали, переглядываясь, что-то объясняли. Дед тыкал пальцем в леса, потом в стену, потом куда-то вверх. Влад пытался вспомнить, где он видел этого человека. Промелькнула мысль... ночь, снег? Но воспоминание ускользнуло.

Внезапно баба обернулась. Сегодня вблизи она показалась куда привлекательнее: большие карие глаза как у оленёнка, которые, она, кажется, подкрасила, и чуть-чуть тронула помадой губы, но Влад заметил.

– Это Виктор Мерлов, – произнесла она, будто отвечая на

его мысли. – Местная знаменитость, талантливый, самобытный художник.

– Я разве вслух спросил? – Влад удивлённо глянул на неё.

– На твоём лице, не обезображенном интеллектом, написано, о чём ты думаешь.

Он хмыкнул, но не обиделся.

– Ты хотела сказать, что я прекрасен как бог? Выражайся точнее.

Она не ответила. Отвернувшись, снова уставилась на деда. Тогда Влад спросил:

– Соседей своих давно видела?

– Каких соседей?

– Тех, что в большом коттедже на пригорке живут.

Она помолчала, будто что-то прикидывая.

– Не видела. Последние четыре дня вроде не появлялись.

– Никакого толку от тебя. Ни на что не годишься.

Зоя повернулась к нему и, прищурившись, поинтересовалась:

– А ты, значит, годишься? Стриптизёр несчастный.

Влад ухмыльнулся:

– Оценила?

– На троечку.

Он заржал.

– Ага, конечно... Но это не главное.

– А что главное?

Влад не ответил. Отвернулся к храму, где Виктор Мер-

лов всё ещё размахивал руками. «Надо бы спросить у неё про Миху поподробнее, может, что и знает», – но тут же отбросил эту мысль. Не хотелось показывать ей, насколько это важно.

И тут его осенило. Он вспомнил, где видел этого деда.

– О, я же знаю его! – Влад хлопнул себя по лбу.

Баба резко обернулась.

– Да?

– Он написал портрет одной знакомой девушки. Настолько потрясающе, что... – Влад запнулся, махнул рукой. – Не важно.

– Что ещё ты знаешь о нём?

– А тебе зачем?

– Не твоё дело.

– Накормишь борщом – расскажу.

Она молчала. Видно было, как колеблется: что-то прикидывает и взвешивает. Влад ждал. Холодный ветер тянул от реки, шевеля пряди её волос.

– Хорошо, – сказала наконец. – Только у меня куриный суп.

Влад покачал головой.

– Не то, конечно, но сойдёт. По рукам? – протянул ладонь.

Зоя посмотрела на неё как на дохлую рыбу – презрительно, даже брезгливо. Отвернувшись, спрятала руки в карманы пуховика.

Влад кивнул на пикап:

– Поехали? Жрать хочу.

Он развернулся и пошёл к машине, не оглядываясь. В том, что она потащится следом, не сомневался. Бабы крайне любопытны, на этом их легко поймать. И не ошибся.

Открыв дверцу, сел и посмотрел в зеркало: Зойка шла медленно, с лицом в высшей степени равнодушным, будто она просто идёт своей дорогой. Но когда он завёл двигатель, шаги ускорились.

Она забралась в кабину и, хлопнув дверцей, села прямо, как истукан, глядя исключительно вперёд, в лобовое стекло. В салоне запахло духами. Влад покосился на неё, но, ничего не сказав, включил передачу и вырулил на шоссе.

Всю дорогу посмеивался, ему почему-то было очень весело. У дома, повернувшись к ней, положил руку на плечо и слегка погладил:

– Приехали! Вылезай.

Она тут же вылетела из салона, будто пружиной выбросило. Влад, не торопясь, вышел, потянулся, оглядел двор, крыльцо, грязноватые окна и последовал за ней.

Внутри оказалось лучше, чем в его избе. Были заметны попытки свежего ремонта: двери на веранде, казалось, недавно покрашены, обои новые, но было жутко холодно и сыро. Дышать и то неприятно.

– Ты чё, дрова экономишь? – спросил он.

Баба покачала головой.

– Нет, просто... – замялась.

– Что?

– Я не умею топить. Да и, кажется, это опасно.

– В смысле? – Влад реально обалдел. – Как это не умеешь?

И живёшь одна в деревне?

– Я пробовала, – она пожала плечами. – Поискала в интернете, но печка как-то странно затрещала и задымила. Я испугалась.

– И что, сидишь здесь и мёрзнешь?

– Скоро уже потеплеет. Лето впереди.

– Ну ты и клуша.

Баба глянула как-то жалобно – на секунду, но тут же вспыхнула и бросила зло:

– Сам ты петух!

Он развернулся и, переступив порог, шагнул к двери.

– Эй, куда? – раздалось из-за спины. – Обиделся? Тебе, значит, можно...

– Пошла ты... – ему вдруг стало скучно, она ему порядком надоела, но сзади слышалось жалобное:

– Ну прости! Посмотри печь, а? Пожалуйста!

И Влад, сам себе удивляясь, не смог бросить её тут замерзать. «Старый что ли стал? Сентиментальный...»

– Так бы сразу, – хмыкнул он и протиснулся мимо неё на кухню. Зоя, посторонившись, даже не отпрянула, только проводила его взглядом.

Влад, не переставая бурчать о её бестолковости, о том, как она вообще умудрилась выжить в деревне, и что руки у неё

растут явно не из того места, нагнулся к печи. Зойка не огрызалась. Стояла у порога, сверля взглядом его спину – он даже через куртку чувствовал.

Приоткрыв дверцу, он поднёс ладонь к топке – поток воздуха вообще не ощущался. Влад достал из кармана зажигалку, чиркнул и приблизил – пламя дрогнуло и качнулось наружу.

– Плохо, – констатировал он. – Обратная тяга.

– Что значит «обратная»? – голос у неё стал совсем грустным.

– Значит, дым пойдёт в дом. Угоришь.

Он закрыл дверцу и, оглядевшись, подобрал с лавки газету. Открыл заслонку, поднёс к дымоходному проходу. Бумага даже не шелохнулась.

– А чистить не пробовала? – спросил Влад, не оборачиваясь. – Дымоход хоть раз за год прочищала?

– Мне никто не сказал. Я здесь недавно.

Он обошёл печь сбоку и провёл пальцем по шву между кирпичами. Палец провалился в щель глубже, чем следовало. Влад пошевелил им, и оттуда посыпалась какая-то труха, смешанная с сажей.

– Развалится скоро, – заключил он. – Глины нет в швах. Выкрошилась вся.

Влез на лавку, заглянул: выюшка закрывалась неплотно, внутри, в проёме, чернел толстый налёт сажи.

– И это не чищено. Недавно здесь, говоришь?

– Четыре дня.

Влад прыгнул на пол, вытер руки о какую-то тряпку в ящике с дровами.

– Сейчас топить нельзя. Совсем. Даже не вздумай, пока дымоход не прочищу и швы не замажу, – говорил он и не верил собственным ушам: неужели он собирается возиться с её печкой? – И вьюшку починить надо.

Выпрямившись, он захлопнул дверцу печки и прикрыл заслонку.

– Ты умеешь? – спросила Зойка с надеждой.

– Я много чего умею – ни одна ещё не жаловалась, – ухмыльнулся он.

Она, скривившись, хотела сказать что-то, но, захлопнув рот, просто прожгла его взглядом.

Влад добавил:

– А печку – дед научил, он печником был. И сам я в архитектурно-строительном учился. Правда, недолго...

Он шагнул к холодильнику.

– Но сначала есть хочу. Потом в город смотаюсь за инструментом, раствором. И сделаю всё когда-нибудь.

Зоя растерянно уставилась на него. Влад достал небольшую кастрюлю с полки холодильника. Заглянув в неё, понюхал. В животе заурчало.

– Давай, бери, что ещё есть у тебя из еды, и пойдем ко мне. Здесь находиться невозможно.

Зоя вскинула брови.

– Ну уж нет.

– Как хочешь, – Влад пожал плечами и прихватил ещё хлеб со стола. – Тогда я пошёл.

Она, усмехнувшись, преградила ему путь.

– А про Мерлова кто расскажет?

– Как поем – так и скажу, – он мягко отодвинул её и вышел на веранду.

Зойка осталась стоять у порога.

У себя он поставил кастрюлю целиком разогреваться на плиту, хлеб положил на стол. Взял ложку, налил супа в щербатую тарелку с золотой каёмкой и принялся за еду. Съел всё быстро, подчищая хлебом. Потом налил ещё одну. И ещё.

– Не три звезды, конечно, – сказал вслух, – но сойдёт.

Вытерев рот влажной салфеткой и отодвинув грязную посуду, решил, что теперь можно и в город ехать.

До Пореченска было километров шестьдесят. Дорога до трассы – так себе: колдобина на колдобине, пикап мотало из стороны в сторону. Влад крутил руль, матерился сквозь зубы и думал.

Какого лешего он вообще туда потащился? На кой ему возиться с этой бабой? Эта её вечно недовольная рожа, печка-развалюха, сырая изба, коза – и что там ещё у неё не в порядке? Ну и чёрт с ней, пусть сидит в холоде. До лета ведь недолго, ха-ха – каких-то два-три месяца. Обойдётся.

Он обогнал фуру, плюхнувшись в очередную яму, и хотел уже развернуться, но внутри что-то ёкнуло. Вспомнился

её жалобный взгляд, представилось, как она кутается в три одеяла в этой сырости, и он сдался. Может, поэтому и такая злющая, что мёрзнет?

Влад вырулил на трассу, прибавив газу. Всё равно пока заняться тут нечем. Надо просто взять и сделать так, чтобы баба эта перестала трястись от холода и смотреть на него волком.

До города добрался быстро. Нашёл на въезде строительный магазин, купил огнеупорный раствор, ёрш для дымохода, новую заслонку и всякого по мелочи. В гипермаркет тоже заскочил за сигаретами и продуктами: консервы, чай, макароны и прочее. Загрузился и, прежде чем ехать, всё-таки решил позвонить. Достал телефон, набрал номер.

– Лен? – тихо позвал.

– Да, – отозвался усталый голос.

– Вы не дома?

– Нет. А что?

– Я в деревне этой вашей.

– Зачем?

– Поговорить с ним хочу, – Влад прикусил губу. – Ты знаешь.

Лена молчала. Он тогда спросил:

– Что-то случилось?

– Ничего.

– Где вы?

– В Москве.

– Когда вернётесь?

– Я с детьми... наверное, скоро.

– А Миха когда?

– Не знаю. Может – тоже. Или позже.

Влад прикрыл глаза, сжал трубку сильнее, но сказал спокойно, будто так и надо:

– Лен... Я тут поживу пока. Подожду вас.

– Дело твоё, – она вздохнула. – Ладно, пока.

И повесила трубку.

Влад, сунув телефон в карман, глянул на промозглое небо, на мокрый асфальт, на свои руки, сжимающие руль. Он будет ждать столько, сколько нужно, чтобы всё исправить. Иначе дальше никак. Четыре года пробовал – не получалось. Потом завёл мотор и вырулил со стоянки. Надо было возвращаться чинить печь, потому что больше нечем пока заняться.

Приехав, жарко протопил избу. Дров хватало – за сараем высилась целая поленница, можно не экономить. Переоделся в шорты и включил древний ламповый телек в «зале». Пощёлкал каналами, настроил комнатную антенну и, улёгшись на скрипучий диван, под фильмы съел банку тушёнки с хлебом. Потом ещё одну и сверху – вафельный торт. Задремал.

В дверь тихо поскреблись. Сквозь сон он сразу и не понял, что это за звук. Подскочил, когда забарабанили громче – настойчиво, коротко.

Распахнул дверь. На пороге с рюкзаком за спиной стояла соседская клуша. В руках – пакет, кажется, с кастрюлькой.

Пуховик нараспашку, лицо бледное, губы сжаты. Глаза – отчаянные.

Влад молча оглядел её. Она – его голый торс, взлохмаченные волосы.

– Ты сказал, что можно у тебя пока... – она прокашлялась.

– Я такого не говорил, – буркнул Влад.

Зойка вспыхнула, дёрнула лямку рюкзака и развернулась, готовая уйти.

– Эй! Стой, – крикнул ей. Отступив в сторону, кивнул вглубь избы. – Заходи давай.

Глава 3

Первые полчаса Зоя боялась. Они вдвоём в доме, вокруг ни души – кричи не кричи, никто не услышит. Хотя и не верилось всерьёз, что этот, имени которого она так и не знала, способен на насилие, всё равно было страшно. Он, конечно, сильнее и выше. Не здоровяк, а скорее поджарый и мускулистый, чем качок. Но он полуголый, в одних шортах – футболка валялась на полу возле дивана. И в любой момент он мог начать домогаться...

Он и не думал одеваться, расхаживал так, демонстрируя волосатую грудь и живот. Её взгляд всё время невольно соскальзывал ниже, заставляя лицо гореть. «Ты и так уже всё там видела, хватит пялиться!» – одёргивала она себя, но продолжала разглядывать. Ну вот как перестать, если он, конечно же, делает это специально?

Когда он наклонился и присел у печки, пошурудив в пылающем нутре, она наблюдала за тем, как мышцы спины перекатываются под кожей. Точно так же, как тогда в сарае, когда он принимал роды у Зорьки. Но тогда он был одет, и из-под футболки и ремня джинсов иногда только выглядывали миленькие ямочки на пояснице. Сейчас же они были прекрасно видны. И хотелось дотронуться.

– О чём ты думаешь, Зоя? – насмешливый голос вырвал её из оцепенения.

Он поднялся во весь рост, заслонив дверной проём.

– Как называется эта штука? – ляпнула она первое, что пришло в голову, чтобы скрыть смущение.

– Какая штука, Зоя? – ухмылялся этот.

Она кивнула на кочергу в его руках.

– А, эта... – парень повертел, рассматривая. – Кочерга. Так ты не деревенская?

– Нет, – буркнула она, ставя рюкзак на лавку. Потом подняла голову, собираясь с духом. – Где мне спать можно?

Подумав немного, он важно изрёк:

– Место бабы – на кухне, – и заржал.

Зоя вспыхнула, но не ответила, как стоило бы, а, схватив рюкзак за лямку, пошла на кухню.

– Ну, если не устраивает, можешь в спальне, – донеслось из-за спины.

Она обернулась в дверном проёме и, проигнорировав предложение, спросила:

– Я одна буду на кухне?

– А ты не одна хочешь? – Он, прислонившись плечом к косяку, скрестил руки на груди.

Зоя, не ответив, вошла внутрь и оказалась в довольно просторном помещении, где была кушетка у окна, с другой стороны – холодильник, стол, стул, две табуретки и газовая плита. На полу – половик. И, главное, дверь, хоть и со стеклянной вставкой, но закрывающаяся. Оглядевшись, повесила рюкзак на спинку стула и присела.

Из большой комнаты доносился мерный гул телевизора и редкие звуки: он там чем-то гремел, шуршал, ходил. Зоя сидела, сжимая телефон в руках, и думала, какого чёрта она вообще сюда припёрлась, но тут же вспоминала холод в своей избе. Расстелила на кушетке, поверх ветхого покрывала, принесённые с собой простыню и лёгкий плед. Куртку сложила на стуле, джинсы тоже, оставшись в свитере и леггинсах. Легла, укрывшись чуть ли не с головой. Нужно было перетерпеть ночь, а завтра – видно будет. От тепла её совсем разморило, пришлось снять свитер. В футболке стало куда лучше – не так жарко.

В свои двадцать восемь Зоя так и не встретила подходящего мужчину – как-то всё не складывались отношения. И сейчас она с ужасом понимала: кажется, дотянула до того, что хочет первого встречного нахала, а он, кажется, и не думал приставать.

«Балабол», – подумала Зоя и уснула.

...Ей снился отец. Он сидел на ступенях дома над водой, обхватив голову руками, и стонал. Высокие сосны цеплялись верхушками друг за друга, по воде шла рябь, а воздух сгустился в белёсую пелену тумана.

– Почему ты плачешь, папа?

– Я ещё не всё сказал, но меня уже никто не слушает...

Голос его разнёсся эхом, отражаясь от стволов и теряясь в вышине крон.

...Она резко открыла глаза.

Темнота и тепло обступили со всех сторон. Первое, что поняла – безопасно. Второе – снаружи шёл дождь. Капли стучали по крыше, далёкие машины шуршали шинами по мокрому асфальту шоссе.

Зоя вспомнила, где она.

Как хорошо, что пришла к нему, в этот дом, а не осталась мёрзнуть в своей избе. Она содрогнулась, вспоминая холод и жуткое одиночество там. Днём ещё ничего, а вот ночью... С темнотой приходили странные сны, и она лежала, стуча зубами, боясь уснуть, в каком-то полусне-полуяви, ведя бесконечные разговоры с кем-то. Чаще всего *эта* женщина кричала что-то гневное и плакала. Вроде и не страшно, но становилось тревожно. Уже думала, что зря приехала вообще. Работать в таких условиях было сложно, одни мучения. Раздумывала, не плюнуть ли на всё и не уехать ли обратно.

Пока лежала, дождь усилился. Это были уже не одиночные капли, а целые потоки воды. Зое стало ещё уютнее: сухо, тепло, стены защищают, над головой крыша. И этот там, за стенкой. Она провалилась в сон, на этот раз без сновидений.

Над ухом прогрохотало. Зоя подскочила и села, озираясь по сторонам. Сердце колотилось где-то в животе.

– Извини, я случайно, – этот, уже одетый всё-таки в футболку и спортивные штаны, стоял с её кастрюлей в руках, а крышка, всё ещё звеня и крутясь, катилась под стол.

Зоя вдохнула.

Он поставил кастрюлю на стол и с лёгкой усмешкой спро-

сил:

– Раз уж ты всё равно проснулась, может, завтрак сделаешь какой-нибудь? Супа тут осталось – котёнку не хватит.

Она хотела его послать, но сообразила, что, наверное, не очень любезно будет с её стороны грубить после всего, что он для неё сделал. И, что важнее, собирается сделать.

«Помни о печке», – напомнила она себе и со вздохом поднялась с кушетки. Тем более, он не хамил, а вполне вежливо попросил.

– Удобства, если чё – на улице, – ухмыльнулся этот, усаживаясь за стол и принимаясь черпать остатки супа прямо из кастрюли.

Зоя фыркнула, но ничего не сказала. Надела пуховик и направилась во двор. Туалет решила посетить всё-таки свой – более комфортный. У неё-то был в доме привычный, хоть и старенький, унитаз, а не конструкция с дыркой посередине, как на некоторых пугающих фото в объявлениях о продаже недвижимости.

Дождь закончился. Снег растаял, обнажив чёрную скользкую землю. Зоя шла осторожно, несколько раз рискуя оступиться и упасть в грязь.

В доме и так-то было промозгло и сыро, а после дождя стало ещё хуже. В сенях пахло затхлостью. Она поёжилась и прошла на кухню. Умылась ледяной водой, взглянула в зеркало – на неё смотрело бледное, чуть припухшее после сна лицо. Краситься не хотелось, лишь расчесала волосы и со-

брала их в хвост.

Вышла на улицу, прихватив с собой кастрюлю гречки с мясом. Думала, на несколько дней себе еды наготовила, но, кажется, этот слопает всё за сегодня.

В его избе пахло теплом и почему-то спелыми абрикосами.

– Эй, как там тебя?.. – спросила она, глядя на нагло развалившееся на кушетке тело, прямо на её постельном белье.

– Что в имени тебе моём? – продекламировал он, закинув руку за голову и не сводя с неё взгляда. – Оно умрёт, как шум печальный... волны, плеснувшей в берег дальний...

– Козлёнка назову.

– Зойкой назови – самка родилась. А меня Влад зовут.

Она, не удостоив его ответом, водрузила кастрюлю на стол.

– Что там? – Он приподнялся на кушетке.

– Ничего, – она прижала крышку рукой, – пока не расскажешь про Мерлова.

Влад откинулся обратно, залез рукой под футболку и, поглаживая грудь, соизволил согласиться:

– Ладно, скажу.

И замолчал. Зоя скинула пуховик на спинку стула, помыла руки и достала из сушилki тарелку. Проведя пальцем по дну, понюхала – вроде не грязная, открыла кастрюлю и принялась накладывать себе гречку.

– А как греть? – обескураженно спросила она у наблюдав-

шего за ней с интересом Влада. – Микроволновки нет...

– Ох уж эти мне зумеры, – расхохотался он. – Бестолковые.

– Грей давай.

Влад нахально лежал на её постельном и даже не двинулся с места. Поразмыслив, она достала вторую тарелку и положила ему тоже. Он не шелохнулся. Глядя ему в глаза, добавила ещё пару ложек. И ещё.

– Мало?!

– Достаточно. Но – попроси хорошо.

Она фыркнула, огляделась и, заметив висевшую на гвоздике сковородку, ссыпала в неё содержимое тарелок и поставила на конфорку печи, сквозь которую просвечивало пламя – он явно недавно затопил. Влад никак не прокомментировал, лишь наблюдал за ней. Зоя, помешивая и удостоверившись, что еда прогрелась, сняла с огня и разложила всё обратно по тарелкам, торжествуя взглянув на него.

– Молодец, Зоя-Зая, – хмыкнул он, поднявшись с кушетки и усаживаясь рядом на табуретку. – Всегда бы так.

– Так что там с Мерловым? – решила она не обращать внимания на фамильярность. – Он написал портрет твоей девушки, и дальше что?

– Не моей, – поскущел Влад. – Жены моего лучшего друга.

Зоя подняла бровь. Он признался:

– Я не верю во всякую хрень, но что-то очень странное

произошло. Я взглянул в глаза на портрете и... – он замолчал, сосредоточенно жуя, явно обдумывая, как выразиться.

– И? Что?

– Не знаю, как объяснить. На миг показалось, что умираю. Больно. А эти глаза – последнее, что я вижу, понимаешь?

– Понимаю, – кивнула Зоя, пытаюсь справиться с внезапно накатившей, как тошнота, ревностью, – ты захотел жену лучшего друга.

Кажется, она попала в точку. По лицу Влада пробежала тень – что именно, она не разобрала, но он тут же взял себя в руки, опустил взгляд в тарелку и продолжил молча есть. Водил вилкой по гречке с мясом, но почти не подносил ко рту. Зоя смотрела на его вдруг ссутулившуюся спину, на то, как он машинально жуёт, глядя в стену, и хотела уже сказать что-то – то ли извиниться, то ли съязвить, но не успела. Влад резко бросил вилку, так что звякнуло по тарелке. Вскочив, он, даже не взглянув на неё, схватил куртку и вышел на крыльцо. Дверь хлопнула, через мгновение взревел мотор и быстро стих вдали.

Зоя осталась сидеть над остывающим завтраком. Её взгляд скользил по его тарелке, по брошенной вилке, по пустому стулу. И вдруг её захлестнула липкая, всепоглощающая тоска. Зачем она это сказала? Зачем влезла не в своё дело? Он ведь не просил его судить.

Она поднялась, вымыла посуду, убрала кастрюлю в холодильник. Не зная, чем себя занять, села за ноутбук и открыла

рабочий чат. Там была суматоха: коллеги в панике писали, что сервер упал, сайты не грузились, клиенты в ярости. Зоя быстро вошла в систему, нашла причину: кто-то из новичков залил кривой код. Поправила, перезапустила, проверила – всё заработало. Написала в чат: «В следующий раз смотрите внимательно, что отправляете». Закрыв ноутбук, откинулась на спинку стула. Тоска не отступила, но хотя бы на время удалось отвлечься.

После этого решила отправиться в берёзовую рощу – туда, где в первый же день её приезда произошло нечто странное. Она всем своим существом жаждала повторения этого ощущения, но, несмотря на ежедневные визиты, ничего подобного больше не случилось.

Поразмыслив, поняла, что не знает, где ключи. Нельзя же оставить чужой дом незапертым и просто уйти. Навесить свой запасной замок? А если Влад вернётся раньше и обнаружит такое самоуправство? Точно выгонит.

Сначала робко, а потом, решив, что ничего не ворует, Зоя прошлась по комнатам в поисках ключей. В спальне пахло табаком и мужским парфюмом. На незаправленной кровати валялось смятое одеяло и сбитая в ком подушка. Зоя зачем-то взяла её, понюхала – его запах. Аккуратно расправив, она положила её обратно.

В гостиной на столе, среди крошек, полной окурков пепельницы и пустых, заляпанных стаканов валялась, старая, выдавшая виды связка ключей на металлическом кольце. Зоя

подобрала их, повертела в руках и положила на место. Даже если закроет, куда ключ деть? Под коврик положить? Которого на крыльце не наблюдалось.

Она вернулась в дом и села на диван в большой комнате. Откинувшись на спинку, смотрела в окно на серое небо, мокрые чёрные ветки и дорогу, где давно уже растаяли следы шин пикапа.

Мысли плавно перетекли к тому, что с ней произошло в роще. Снова и снова она прокручивала в голове тот первый вечер в Ромашино.

...Сразу после того, как сошла с поезда и сложила вещи в доме, Зоя пошла к храму. Она знала: найдёт его там – человека, из-за которого сюда приехала, купив эту дурацкую избу несколько месяцев назад даже без осмотра. Что она будет здесь делать, сама не знала. Понимала только одно: нужно быть здесь, рядом. Тогда, возможно, всё то, что её мучает, отступит, и можно будет спокойно жить дальше.

В блоге было написано: он там каждый день с утра до ночи, почти забросил творчество. Восстановление храма стало смыслом, делом всей его жизни. А Зое нужно было увидеть, подойти, сказать что-то. В первый день она не была готова. Да и сейчас – ещё нет.

Тогда, только приблизившись к роще, она даже не успела подняться на пригорок. Едва сойдя с грунтовой дороги на тропинку, Зоя остановилась как вкопанная. Всем своим существом она ощутила, что была здесь когда-то. Может быть,

в тех странных снах, что приходят к ней почти каждую ночь вот уже полгода?

Зоя запрокинула голову, глядя в непривычно высокое для марта синее небо. В тот же миг сверху на неё обрушилась вода. Хлынула прохладным потоком, мир перевернулся, и она, медленно барахтаясь, начала погружаться всё глубже. Это длилось бесконечно долго. Она перестала сопротивляться. Дышала, ничуть не удивляясь, что может. Парила, лоя пальцами пузырьки и любуясь полосами света, пронизывающими толщу воды, ощущая небывалый, всепоглощающий, необъятный разумом покой. Она не тонула – плыла. Вокруг было золотисто-оранжевое свечение, тёплое и живое. Оно входило в неё через кожу, через глаза, через дыхание. Она не боялась, знала: так надо.

Всё исчезло так же внезапно, как и появилось. Зоя снова стояла на тропинке. Голова кружилась, но впервые за долгое время было легко. И что-то изменилось – навсегда. Она поднесла руку к лицу: пальцы были сухими, но глубоко под кожей будто пульсировало что-то тёплое, оранжевое.

...И вот уже четыре дня после этого она ходила в рощу, но такое больше не повторялось, а сегодня и вовсе не получится из-за глупых детских обидок кое-кого.

Глава 4

Зоя распахнула дверь сарая. В углу загона, тяжело дыша, стояла Зорька, кося на неё влажным глазом. Рядом, свернувшись в соломе, лежал козлёнок.

– Ну что? – Она потрогала, проверив, живой ли он. – Давай разбираться.

Принеся целую охапку сена, сунула в специальный отсек. Насыпала из мешка отрубей. Зорька тут же уткнулась в них мордой, зачавкала. Зоя поменяла воду, хотя старая ещё не кончилась. Налила тёплой свежей, с сахаром – как советовал ветеринар. Козлёнок проснулся, забился, ища вымя. Она отодвинула его, присела на корточки. Ветеринар тогда сам подоил козу и объяснил, как это делается.

Доить было неприятно. Вчера она тоже пыталась, но получилось плохо. Вымя было горячим, набухшим, кожа на сосках – шершавой. Она обхватила один, как учили: большим и указательным у основания, остальными – по длине. Сжала и потянула вниз. Ничего не произошло. Тогда сжала сильнее – брызнула тонкая струйка, но палец соскользнул, и рука увязла в тёплой, влажной шерсти. Зоя брезгливо вытерла пальцы салфеткой и попробовала снова. На четвёртый раз получилось. Молоко зацокало о дно ведра, которое так и норовило опрокинуться, редкими, неровными каплями.

Зорька вздохнула, переступила копытами, и её бок тяжело

привалился к Зоиному плечу. Козлёнок, устав ждать, ткнулся мордочкой в свободный сосок, но Зоя отпихнула его:

– Не сейчас, мелкий, погоди.

Она доила, пока в ведре не набралось на доньшке. Потом выпрямилась, разогнула ноющую спину – ломило всё: поясницу, колени, пальцы. В ведре плескалось белое, пенистое молоко, источающее непривычный запах. Куда его теперь? Пить вроде нельзя пока, как сказал ветеринар, да и, честно говоря, совсем не хотелось. Козлёнка пустила к матери, тот присосался сразу, зачмокал, и Зорька замерла, прикрыв глаза.

– Отдам кому-нибудь, – сказала Зоя пустому двору. Она уже миллион раз пожалела, что связалась с этой козой. – Не надо мне такого счастья.

Влада не было весь день. О ремонте печи в её избе речи уже, конечно, не шло. Да и не факт, что теперь он не то что не займётся этим, а как бы вообще не выгнал из дома. Зоя ругала себя на чём свет стоит – человек столько для неё сделал... Помог с козой, две жизни, можно сказать, спас. Между прочим, не каждый на такое способен! Ещё и печь обещал отремонтировать. Её саму приютил и обогрел, в конце концов. И всё это совершенно бесплатно, не требуя ничего взамен. Ну, не считать же его тупой прикол в бане и кастрюлю супа оплатой. И вместо благодарности она повела себя как последняя свинья. Он поделился очень личным, причём по её просьбе, а она...

Когда самобичевание достигло пика, а над образом Влада уже засиял нимб, он явился домой. Заслышав шум подъехавшей машины и, через минут пять, его шаги на крыльце, Зоя вышла из кухни, готовая извиниться. Он же, даже не взглянув на неё, гремя полным пакетом бутылок, прошествовал мимо неё в большую комнату, громко хлопнув дверью. Она прислушалась: включился телек – какой-то боевик со стрельбой и криками, а спустя минуту раздался характерный звук – звон стекла и журчание наливаемой жидкости.

Вот тогда Зоя по-настоящему испугалась. Сейчас он напѣтся и что? В лучшем случае – может скандал учинить, в худшем – кто знает, на что он способен. Она стояла возле остывшей печи, мучительно раздумывая, что же ей делать. Решила начать с разговора и извинений.

Подошла к двери и тихонько поскреблась.

– Эй... ты как?

Ответа не прозвучало.

– Влад?

– Пошла ты... – донеслось из «зала».

Голос был усталый, но, кажется, не злой. Зоя даже не обиделась. После долгих раздумий решила всё же не идти, куда послали, а остаться здесь на свой страх и риск.

Спать легла пораньше, прямо в свитере и леггинсах. Влад, конечно, не протопил на ночь, но это и к лучшему – в таком-то состоянии спички не игрушка. К вечеру стало совсем холодно. Завернувшись в плед, она пыталась согреться

и уснуть.

...Снился светловолосый, худенький мальчик в серой кофте, которая висела на нём мешком. Он стоял посреди пустой комнаты, где не было ни окон, ни дверей, только голые, обшарпанные стены. Ребёнок смотрел в одну точку за её спиной. Зоя хотела подойти, но не могла двинуться с места, ноги не слушались.

Проснулась, дрожа то ли от страха, то ли от холода. Лежала, прислушиваясь к звукам за стеной. Телевизор работал тише. Влад вышел на улицу, громыхнув чем-то, а через минут двадцать вернулся.

Зоя снова уснула.

...Стены начали дышать, пульсировать, как живое тело. Из них выступили чёрные, безликие тени и потянулись к мальчику. Он закрыл глаза. Она слышала его тихий голос, почти шёпот:

– Они здесь. И там. Везде! Обернись!

Она не оборачивалась, чувствуя спиной присутствие.

Проснулась, задыхаясь. Телевизор за стеной тихо бубнил. На дисплее телефона – 23:15. Зоя закрыла глаза и снова задремала.

...Тени выползали из-за её плеч, обдавая её ледяным дуновением.

– Они всегда здесь, – пожаловался мальчик. Глаза его, полные слёз, молили о помощи: – Я их вижу. А ты?

Зоя проснулась с колотящимся сердцем. Встала, попила

воды. Посветила фонариком в телефоне – ожидаемо, никаких монстров и теней не обнаружилось. Прислушалась. Из-за стены приглушенно доносился бодрый пиратский метал. Она невольно улыбнулась, подумав: «Ну, конечно, что ещё может слушать этот человек».

Успокоившись, легла под плед и засыпала под аккордеон и ударные.

...Мальчик протягивал к ней худые, бледные руки, торчащие из рукавов.

– Я не хочу их видеть!

Она не успела протянуть ему ладонь. Тени набросились и облепили её как саранча.

Зоя проснулась с криком.

Села на кушетке, посмотрела, который час – почти три. Завернувшись в плед, она слезла с кушетки и открыла дверь. В комнате было темно, лишь тусклый свет луны пробивался сквозь занавески. Телек хрипел на минимальной громкости: там кто-то кого-то убивал. Зоя, нажав на кнопку, выключила его.

Влад спал в джинсах и футболке, раскинувшись по диагонали на разложенном диване. Один носок валялся на полу, второй – на стуле. Пахло табаком, чуть – перегаром и шпро-тами. Зое было плевать. Она проскользнула в спальню, схватила одеяло и вернулась в «зал». Тихонько подошла, присела на край жалобно скрипнувшего дивана. Влад не проснулся. Тогда она залезла к стенке и легла рядом, укрыв их обоих

сначала одеялом, а сверху пледом. Свернулась калачиком, уткнувшись носом в его руку. Кожа была тёплой, чуть шершавой, вкусно пахла. Он даже не пошевелился, но она чувствовала рядом его дыхание и тепло. Впервые за эту ночь Зоя закрыла глаза без страха. Пространство мерно сотрясал грубый, неровный, но такой живой храп. И слаще этого звука, казалось, не было ничего на свете. Она провалилась в глубокий, без сновидений сон, словно в пропасть.

Пробуждение было внезапным. Первое, что она услышала и ощутила, – стон и движение. Одеяло поползло в сторону. Потом холод. Зоя открыла глаза. Влад, взлохмаченный и помятый, уставился на неё:

– Эй, подруга, я тебя чё?.. – и с характерным звуком хлопал ладонью по кулаку, изображая. – Не припомню что-то.

– Ещё чего, – буркнула Зоя. – Я просто замёрзла. Кто-то нажрался и не затопил печь.

Влад поморгал, осмысливая, потом хмыкнул и потёр лицо ладонью.

– А-а-а... – протянул, ухмыляясь. – Что, и не воспользовалась моим беспомощным состоянием?

Зоя, ничего не ответив, грубо дёрнула с него одеяло и укрылась почти с головой. Влад застонал, попытавшись встать с дивана. Голова его, судя по всему, раскалывалась. Он закрыл лицо руками и так сидел с минуту, массируя виски. Зоя молча смотрела на его широкую, ссутуленную спину

в мятой футболке.

– Воды бы, – прохрипел он.

– Сам, – отрезала она, но тут же добавила: – Полный кувшин на столе.

С кряхтением поднявшись, он поплёлся на кухню. Зоя осталась лежать. Ей стало смешно. Она слушала, как он там ругался, гремел посудой, шумно пил.

– Вкуснотища...

Потом – тишина, а спустя минуту раздался шум умывальника и звук льющейся воды. Вернулся уже без футболки, с влажным лицом и волосами. Бросил на стул смятый комок и сел на край дивана.

– Так ты, может, хотела... – начал он, усмехнувшись. – Ты извини, в другой раз.

– Отстань, – Зоя слегка пихнула его.

– Не надо так, – Влад поймал её лодыжку и крепко сжал, будто раздумывая, что с ней делать. Она дёрнула ногой, безуспешно пытаясь освободиться. Не получилось, и она молча смотрела ему в глаза. Он отпустил и отвернулся. Зое захотелось стукнуть ещё, но она сдержалась.

Потом, накинув куртку, он вышел на улицу, принёс дров с веранды и принялся возиться у печи. Зоя слышала, как он гремел дверцей, шуршал бумагой, матерился тихо, когда спички ломались и щепки не хотели разгораться. Наконец всё-таки печь ровно загудела, как довольный кот, которого наконец-то покормили.

Зоя поднялась и вышла во двор, направляясь к туалету. Холод пробирал до костей, но организм требовал своего. В уличном умывальнике вода была подёрнута льдом. Вернувшись, увидела курящего на крыльце Влада. Проскользнув мимо, Зоя снова улеглась на диван.

– Затопил, – сказал он, зайдя в комнату с довольной рожей и в чистой футболке. – Сейчас согреешься.

Она оглядела срач и вздохнула.

– Проветрить бы, – пробурчала, кутаясь с головой в одеяло.

– Потом, – ответил он, нырнув к ней под одеяло и обхватив холодными лапами. Зоя даже пискнуть не успела, прижатая к его груди.

– Я тебя грел, теперь ты меня, – заявил он и закрыл глаза, кажется, собираясь спать.

– Эй, а печь? Кто следить будет?

– Я сейчас... Пять минуточек... – пробормотал он и захрипел.

Зою тоже сморило в сон от тепла.

...Она снова парила в золотисто-оранжевом свечении. Вода была тёплой, а покой – всепоглощающим. Никаких теней, только свет и тишина.

А потом появился он – фигура, сотканная из света и лунного сияния.

– Суд состоялся, – голос звучал не в ушах, а в самой глубине, там, где страх и покой живут бок о бок. – Не для тебя

– для той, кто была раньше. Её дар погас, ты – излучаешь свет.

– А Тени? А тот мальчик?

– Их не бойся. У каждого свои Ступени.

Зоя проснулась от того, что стало невыносимо жарко. Пот выступил на лбу, на шее, на спине – футболка под свитером прилипла к коже. Влад уже не храпел, а посапывал. Он лежал на боку, навалившись всем телом: нога на Зоинном бедре, одна рука под её головой, вторая лежала на талии, иногда во сне сжимая её. «Так, наверное, спят любовники». И эта мысль ей понравилась.

Но надо было как-то выбираться. Зоя осторожно пошевелилась, пытаясь снять его руку. Влад недовольно замычал и провёл ладонью по её спине вверх-вниз и сжал ягодицу.

– Ты что творишь?! – возмущённо воскликнула она, скидывая его лапу, но он тут же вернул её на место, да ещё принялся целовать шею.

– Пусти... – потребовала Зоя, но получилось как-то неубедительно.

– Зая, какая ты сладкая, – бормотал Влад, щекоча дыханием. Его рука скользнула ей под футболку, и пальцы принялись вытворять с грудью нечто такое, что сопротивляться совсем не хотелось. Вырвалась лишь тогда, когда он полез расстёгивать молнию на её джинсах.

– Пусти, говорю! – она отпихнула его, стараясь не ударить слишком сильно. Вскочив с дивана, поправила одежду и бро-

силась на кухню. Сердце бешено колотилось в груди, лицо горело, а тело пылало жаром, и было непонятно, от печного тепла или от того, что он только что проделал с ней. Зоя выпила остатки воды из кувшина, сняла свитер – стало полегче. Прислушалась – он не выходил. Тогда она сама вышла, потрогала за чем-то печку – горячая, и заглянула в «зал». Влад спал на другом боку, положив обе ладони под щеку. «Вот так трахнул бы, не просыпаясь. И вся романтика...» – подумала Зоя и отправилась доить козу.

Зорька стояла у сена, тяжело дыша, и всё её большое тело, казалось, страдало. Козлёнок, уткнувшись в солому, опять спал.

– Ну что, мамка, – вздохнула Зоя, присаживаясь на корточки. – Давай ещё попробуем.

Вымя было тугое, горячее, соски налились, блестели. Зоя, преодолевая брезгливость, обхватила один, сжала, потянула. Опять ничего не получалось. Сжала сильнее – брызнула тонкая струйка, но палец соскользнул. Зорька забеспокоилась, переступила копытами.

– Стой, стой, – Зоя попробовала другой сосок. Тот же результат: капли, рука в молоке и шерсти, ведро норовит опрокинуться.

Коза низко, протяжно застонала.

У Зои задрожали руки. Она попыталась сильнее, та дёрнулась, а козлёнок испуганно пискнул.

– Да что ж такое! – она выпрямилась, ноги затекли. Паль-

цы были красные, в успевшем высохнуть молоке.

Зорька снова застонала, и тогда Зоя вскочила и бросилась в дом.

Влад всё так же спал на боку, обхватив себя руками.

– Вставай! – Она тряхнула его за плечо. – Вставай, кому говорю! Ну, пожалуйста!

– Чё надо? – не разлепляя глаз, промычал он.

– Коза! Зорька! Ей плохо, а я не могу!

Влад сел, потёр лицо.

– Ей больно, а я не умею, – выпалила Зоя. – Ветеринар показал, но у меня не получается, и она страдает, а я...

– Зоенька, ты издеваешься? – ласково спросил Влад, вздохнул, потянулся и нашарил на столе пачку сигарет.

– Ты же вон как хорошо... – сказала она и запнулась.

– Чего я хорошо? – спросил, не оборачиваясь.

– Ну... это. Всё умеешь. Посмотри, а?

– Пойдём, – вздохнул он, закуривая. – Покажешь, что там с твоей подругой.

В загоне Влад опустил на корточки, посмотрел на ведро, на разбухшее вымя. Зорька повернула голову, ткнулась мордой в его плечо.

– Видишь, она тебя любит, – заискивающе проговорила Зоя.

Он длинно, со вкусом выматерился, схватившись за голову. Потом, повернув к Зое помятое, небритое, но всё такое же красивое лицо, устало спросил:

– За какие такие грехи ты на мою голову свалилась с этой козой, а?

– Пожалуйста!

– Сиськи предлагаешь мне у козы дёргать? Думаешь, я именно этим всю жизнь занимался?!

– Мне ветеринар вот так показал, – Зоя продемонстрировала. – Но почему-то не получается.

Влад фыркнул, отодвинув её руки.

– Кому скажи, не поверят... – его пальцы сомкнулись на соске, и молоко ровной, сильной струёй зацокало о дно ведра.

– Ты прирождённый фермер! – восторженно воскликнула Зоя, но осеклась, увидев его взгляд.

Она смотрела на его спину, на широкие плечи под мятой футболкой, на руки, которые, казалось, умели всё: чинить печь, принимать роды, доить козу. А ещё – ласкать. Так, что она, испугавшись, сбежала на кухню.

– Иди-ка сюда, – позвал Влад. – Учись давай. Я больше не буду это делать. Сама дальше.

И Зоя присела рядом.

Солнце поднялось выше, осветив двор и бросив косой луч в окошко сарая.

Глава 5

– Яйца есть? – не оборачиваясь от плиты, спросила Зойка.

– Есть, – ухмыльнулся Влад. – Ты ж видела.

– Ха-ха-ха. Шутка уровня детсада.

– Так я и не шучу, – он направился к холодильнику. – Но куриные тоже есть, я покупал. Погоди, на веранде, кажется, пакет оставил.

Он принёс упаковку с яйцами и уставился на Зойкину грудь. Под футболкой и, как он помнил наощупь, вырисовывалась крепенькая «двойка», а то и «тройка».

Зойка разбила яйца в кружку, взболтала вилкой, посолила, поперчила. Влад сел за стол, подпёр голову рукой, наблюдая за её движениями. Плеснув чуть масла на сковороду, она порезала охотничьи колбаски и помидоры, кинула всё туда же, вылила яйца. Зашипело. Аппетитный запах поплыл по избе.

Влад скользил взглядом по её фигуре: невысокая, ладненькая, сложена гармонично, без перекосов. Но вот такие, как она, если набирают лишний вес, становятся колобками.

– Почему ты интересуешься художником? – спросил он.

– Не твоё дело.

– Вот как?

– Надо, значит.

Она разложила омлет по тарелкам.

– А я думал, мы уже в тех отношениях, что могу и спросить, – усмехнулся он.

– В каких это «тех»?

– Добрососедских.

Но Зойка явно не собиралась рассказывать.

– Для любовника твоего он староват, – задумчиво протянул Влад.

Она, закатив глаза, села напротив.

– Внебрачная дочь, как в бабских сериалах? – ляпнул он и не поверил своим глазам, когда она дёрнулась и разлила чай. – Да ладно?!

– Что за допрос? – её лицо приняло выражение презрительного равнодушия.

Дальше ели молча. Влад не лез больше с вопросами, а она и вовсе не смотрела на него. Отодвинув тарелку, он позвал:

– Пошли, страховать будешь, трубу тебе почищу.

– Может, не стоит с похмелья на крышу лезть?

– Неужели переживаешь за меня? – ухмыльнувшись, спросил он. – Сорвусь – оплачешь моё брренное тело, а потом подыщешь нового помощника.

Зоя подняла на него глаза.

– Помяну добрым словом, ага.

Она встала, забрала его тарелку, поставила в мойку. Обернувшись, обронила:

– А нового искать не буду.

Влад хмыкнул, вышел в прихожую и потянулся за курт-

кой.

– Догоняй.

Во дворе закурил и посмотрел на уличный градусник, показывающий плюс шесть. Открыл гараж, где стоял байк. Заглянул под тент, провёл рукой по сиденью. Достал из пакета на полке ёрш с жёсткой металлической щетиной, повертел его в руках. Следом – толстый плетёный трос. Для груза ещё вчера присмотрел в коробке на полке тяжёлую чугунную гайку размером с кулак.

Он завёл конец троса в отверстие гайки и сделал двойной узел, чтобы не соскользнула. Затянув потуже, проверил: дёрнул несколько раз – вроде надёжно. Второй конец привязал к ершу.

– Будешь лестницу держать, – сказал он Зойке, наблюдавшей за ним через распахнутую дверь. – У тебя во дворе за сараем должна стоять.

Лестница оказалась ветхой, скрипучей, местами перемотанной проволокой. Пока перетаскивали, Влад дважды выругался и один раз чуть не прищемил ей пальцы.

– Страхуй, – скомандовал он, прислонив лестницу к краю крыши.

– Как?

– Держи, чтоб не съехала, – он проверил устойчивость нижней ступеньки и полез наверх.

Зоя упёрлась ногой в одну из перекладин, обеими руками взявшись за боковины. Лестница мелко вибрировала под

тяжестью его шагов. Забравшись на крышу, Влад стал карабкаться по шиферу. Днём солнце уже пригревало вовсю, и снега на крыше не было.

Огляделся. С высоты открывался вид на деревню: тонкие дымки из труб, голые ветви старых яблонь во дворах, первые проталины возле заборов, изгиб реки, блестящий на солнце. Где-то вдалеке прокукарекал петух.

Трос плавно скользил в руках, металлическая щетина скребла по кирпичам, глухо шурша. Влад повторил проход ещё дважды, чтобы убедиться, что сажа со стенок полностью счищена. Потом начал аккуратно вытягивать ёрш. На щетине и грузе налипли чёрные хлопья. Он стряхнул их прямо на крышу, вытер руки влажными салфетками и стал спускаться.

– Аккуратнее там! – донеслось снизу. – Упадёшь – будешь лежать, пока не встанешь. Даже не подойду!

– Я к тебе по ночам являться буду с того света! Думала, легко отделаешься?

На середине Влад специально сильно качнул лестницу. Зойка ойкнула, вцепилась, пытаясь удержать. Он заржал.

– Ты нормальный вообще?

Слез он весь в саже. Зойка, оглядев его джинсы и куртку, хмыкнула и спросила, ткнув пальцем в грудь:

– Как отстирывать будешь?

– Ты будешь, – ответил Влад, поймав её запястье.

– Простите за вторжение! – вдруг раздался мужской голос откуда-то справа. Они обернулись. Руку он не отпустил, да

она и не вырывалась.

К ним бодрой походкой приближался пожилой благообразный дядька в дублёрке. Скорее, дед – седина, борода клинышком, глубоко посаженные глаза.

– Фёдор Ефимович, – представился он, протянув руку.

– Владислав, – отпустив Зойкино запястье, Влад ответил на рукопожатие.

Мир вокруг дрогнул и мигнул фиолетовым всполохом.

– А супругу вашу как величать? – спросил дед, обернувшись к Зойке, явно не заметив, как и она. Та стояла, молча хлопая ресницами.

– Зоя, – ответил Влад, не моргнув глазом. Не объяснять же ему.

– Приятно познакомиться, – дед снова обернулся к Владу. – Мы с вами соседи через огород. Мой дом – второй слева. Я по делу к вам, ну и познакомиться, конечно. Дай, думаю, загляну, что за люди дом Степановны купили.

– А что не так с домом? – спросил Влад.

Дед замахал руками:

– Что вы, что вы – всё так! Просто он стоял без хозяина, и всегда радостно, когда дом обретает новую жизнь, когда в нём живут люди.

Влад с усмешкой глянул на Зойку, та стояла, скрестив руки на груди, но не встревала.

Тем временем дед, как его – Фёдор Ефимыч – продолжил:

– Палыч, ветеринар наш, сказал, что козочка у вас окотив-

шаяся. Приблудная. Дай, думаю, спрошу, нужна она вам?

– Приблудная? – Влад перевёл взгляд на Зойку.

Та, стушевавшись, ответила:

– Ну да, стояла тут у сарая, блеяла жалобно. Я думала, потерялась, а она – рожать. Я и вызвала ветеринара.

Влад вопросительно поднял бровь. Дед, добродушно улыбнувшись, положил руку ему на плечо и доверительно сообщил:

– Я у местных поспрошал, ни у кого коза не пропадала. Загадка! Подумал, так, может, я вам возьмешу расходы на ветеринара и за хлопоты, да заберу её? Тут семья многодетная переехала к нам в Ромашино, в сложной жизненной ситуации... Семеро детей! А им молоко очень нужно. Вон там живут, – Фёдор Ефимыч махнул рукой на дом через один от Зойкиного. – Я им козочку и передал бы. Как вы на это смотрите?

– По рукам! – согласился Влад.

Дед пожал ему ладонь, рассыпаясь в благодарностях. Обещал, что вечером зайдёт супруга его, Анна Николаевна, передаст деньги и заберёт козу. Распрощавшись, он удалился восвояси.

Зойка молчала. Влад понял – не к добру, сейчас крику будет...

– Ты почему распоряжаешься козой?! – прошипела она, как только дед скрылся за калиткой.

– Так она не твоя, как выяснилось, – повернулся к ней

Влад.

– Всё равно! Даже не спросил. Меня как будто тут и не было! Сами что-то порешали, договорились!

– Да зачем она тебе?! И кто знает, что ты в следующий раз заставишь меня с ней делать! На поводке выгуливать? Копыта подстригать?

Зойка рассмеялась:

– Ты справишься.

– Нет уж! Пусть забирают, и я забуду её как страшный сон, – Влад взял несостоявшуюся козовладелицу за руку и потянул к крыльцу. – Пошли, ещё тягу осталось проверить.

В избе он открыл дверцу топки, собрал осыпавшуюся сажу совком в ведро. Щёлкнул зажигалкой – пламя уверенно отклонилось в сторону дымохода. Устало плюхнувшись на лавку, прикрыл глаза.

– Завтра швы замажу, – буркнул он. – Неделю, не меньше, будет сохнуть. Минимум. А то и десять дней.

– Десять дней? – Зоя присела рядом.

– Раньше нельзя. Потом потихоньку можно протапливать. Сначала щепками, по чуть-чуть, и каждый день прибавлять.

– Ладно, – она тронула его за рукав. – Пошли, трубочист. Воды принесёшь побольше в дом, попробую отчистить твою одежду.

– Не такая уж ты неблагодарная, как хочешь казаться, – усмехнулся Влад, не открывая глаз, и тут же получил тычок в плечо. Пришлось схватить её, зажать извивающуюся и ще-

котать пару минут, чтобы неповадно было.

После обеда, ничего ему не сказав, Зойка ушла. Он даже не заметил как. Смотрел телек, пока она стирала на веранде его одежду. В какой-то момент всё стихло, и Влад увидел в окно, как она вышла за ворота и бодро потопала в сторону станции в своём пуховике с капюшоном. «Опять на Мерлова любоваться, что ли, отправилась?» – подумал Влад. Мелькнула мысль проверить, но куртка и штаны лежали у печки на просушке. Джинсы другие имелись, а вот верхней одежды не было. В машине не замёрз бы и в свитере, но решил: «Ну её, пусть делает что хочет». Кто он ей, чтоб контролировать?

Влад достал телефон и, чуть поколебавшись, набрал номер. Он старался звонить днём, полагая, что если это неудобно, трубку просто не возьмёт. Ответила она почти сразу.

– Лен, представляешь, я тут роды у козы принимал, – он засмеялся. – И доил.

– Что? Серьёзно?

И Влад, посмеиваясь, в красках расписал, как было дело, избегая упоминать Зойку. Просто «соседка попросила».

Лена уточняла, спрашивала, даже ахнула, когда сказал, что «полез в козу». Потом задумчиво произнесла:

– А у меня мать умерла. В январе.

Влад застыл, не зная, что сказать. Хотелось найти слова, но как тут можно утешить?

– Расскажешь?

И Лена, отвлекаясь на кричащего младенца, поведала об

инсульте. Всё произошло внезапно. До больницы не довезли.

– А накануне мы с ней поссорились и не успели помириться.

– Жесть...

– Ага...

– Ты как?

Лена, помолчав, произнесла:

– Я – странно. Не знаю, как это описать. Будто всё вокруг серое и безвкусное... И отец совсем сдал.

– А Миха что?

Лена вздохнула.

– Работает много. И учится. Скоро закончатся курсы.

– Учится?

– Да, курсы массажа – сертификат получает. Его уже пригласили в какую-то клинику. Говорят, руки золотые. Думает.

– Ну дела...

– Ладно, мне надо идти. Тут такой дурдом. Пока.

И она отключилась.

Влад, не зная чем себя занять, нашёл какую-то фуфайку, висевшую на веранде на гвозде, понюхал её, осмотрел – вроде не грязная. Накинул её и вышел во двор. Пришла одна мысль, надо было проверить. Зашёл в Зойкину баню и прикинул: если тут сдвинуть, а здесь убрать, вполне встанет стиралка. Можно заморочиться и нормально подключить автомат, колодец ведь недалеко. Влад прошёлся по двору, размышляя. С другой стороны, она вроде не местная, с какой

целью, на сколько приехала – не говорит. Ни к чему его инициатива, скорее всего. Может, через неделю уедет. Зачем тогда он возитс

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.